

ГАСТРОЛИ «ГЕКУБЫ»

АНДРЕЙ ЩУПОВ

Андрей Щупов

Гастроли «ГЕКУБЫ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422322

ISBN 9785005186522

Аннотация

«Гекуба» – название музыкальной группы, состоящей из трех участников. На турне к далекому морю ребят толкают неласковые обстоятельства. Один из музыкантов терпит поражение на ринге, двоих других лишают места репетиций, аннулируя прежний договор о выступлениях. Но brave парни не сдаются. Они вылетают на черноморское побережье, где и начинают давать концерты, не ведая, что выступают на «чужой» территории. Таким образом, неприятности ребят вовсе не завершились, они только-только начинаются...

Содержание

Гастроли «ГЕКУБЫ»	5
Глава 1 БУДНИ ГЛАДИАТОРА	6
Глава 2 ОКЛЕМАЛОВКА	25
Глава 3 ЧЕРТИК ИЗ КОРОБОЧКИ	40
Глава 4 ОБЛОМ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Гастроли «ГЕКУБЫ»

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-8652-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гастроли «ГЕКУБЫ»

«Мне не надо того, что требуется взять у кого-то вырвав...»

Светлана Борминская

Глава 1 БУДНИ ГЛАДИАТОРА

У Толянчика был коронный трюк – двойной удар левой, завершаемый жестким крюком. Не самая заковыристая комбинация, но если проделать мастерски, приносит неплохой результат. Первый удар приходится как правило в перчатки, второй прошибает защиту, но самый подлый удар третий – тот, которого противник зачастую не ждет. Логичнее после левой пускать в ход правую, а потому третий крюк, наносимый все той же левой рукой, угадать чертовски сложно. Толян эту тройную комбинацию довел до совершенства. Я сам раз пять или шесть видел, как подобной тройной молнией он завершал свои бои. Кстати, и соперники позже признавались, что последний боковой для них оказывался полной неожиданностью. Вот и сейчас, подловив момент, Толян резко выбросил левую перчатку, немедленно скакнул вперед. Трижды голова противника мотнулась под его оплеухами, но четвертая досталась самому атакующему.

Чмок!.. Из рта Толяна вылетела капля. Наголо обритый крепыш без всяких затей молотнул его подъемом ноги в ухо и опрокинул на пол. Мне показалось, что даже в этом гуле выкриков я расслышал, как стукнулся затылок моего приятеля о крытый брезентом настил. Публика повскакала с мест.

– Добей его, палу! Рви палу!..

– Мочи-и-и!...

Я поневоле зажмурился. Черт знает, чему их тут учили, но дрались они будь здоров! И удары держали, как бронтозавры из палеозоя. Дворцовая сборная без сомнения была сильнее нашей команды. Это я сразу просек. Потому что Петюк, который схватился с хозяевами перед самым выходом Толяна, не продержался на ринге и половины минуты. Все-го-то секунд двадцать и успел профинтить. Деликатничал, стратег доморощенный, в толерантность решил поиграться! Вот и начал с интеллигентной такой разведки – левым джебom, правым. А его без всякой разведки колотнули ступней в грудь и завалили. Тупо и без выкрутасов. Еще и счет не довели до десяти, а соперник уже демонстративно стянул перчатки. Знай, мол, наших, гости дорогие! Долго не засидитесь... Вот и следующая жертва, мой приятель Толянчик, сходу заработал гематомы под оба глаза и успел в первом же раунде побывать на полу. То, что он сумел подняться, отнюдь не утешало. Исход поединка предсказал бы и последний дилетант. Боксеру-камээснику приходилось по-настоящему тяжело. Пока он отпыхивался да отмахивался, противник, этакий бычок из сала и мышц, спешил довести начатое до конца. Шустро набирая очки на лоу-киках, он то и дело зажимал Толянчика в угол, массируя вражий пресс литым коленом, не забывая, понятное дело, про черепушку. Какие колокола звенели сейчас в Толянчиковой голове, нетрудно было себе представить. В древние времена так называли, должно быть, молодые иноки, узревшие с колоколен прибли-

жение чужого войска. Короче говоря, полный кюл, как выражались чудаки из «Кин-дза-дзы». Плохо было Толянчику, плохо и скверно, а через него неважное самочувствие передавалось и всем его болельщикам в зале.

Любителем подобных шоу я себя не считал, а потому, поднявшись, вышел в раздевалку. Хуже нет, чем следить за избиванием товарищей – особенно перед твоим собственным выходом. Наверное, в ту самую минуту я и понял со всей отчетливостью, что тоже проиграю. Сорок пять боев, семь поражений. Теперь будет восемь... Конечно, чепуха по сравнению с мировой революцией, но я-то не революционер! Какого фига мне подставляться! Может, взять и свинтить по-тихому? В конце-то концов, не я же должен был биться, а Боря Селиванов. Заменили в последний момент. Боря, хитрован этакий, точно знал, с кем его сведут на ринге – вот и решил не мудрить – сам где-то умудрился сломать левую клешню, ну, а меня кинули, понимаешь, на амбразуру.

Стыдно, но на миг действительно возникло желание сорвать с крючка родную курточку с эмблемой распятого орла и рвануть из раздевалки на все четыре стороны. Пока никого рядом, пока никто не видит. «Иду на вы, сказали мы, но кто сказал, что грех – споткнуться?...» Кто же написал-то это? Губерман, что ли? Да не все ли равно! Зубов жаль. Все-таки не полторы сотни, как у акулы! И голову не хочется подставлять под чужие кувалды. Не наковальня! Она у меня без того хорошо знала, что такое сотряс, вызываемый средней тя-

жести хуком. И пусть выбрасывают потом полотенце – хоть вафельное, хоть махровое, уж лучше позор, чем сотрясение любимых лобных долей. Полушария – их, конечно, целых два, но мне, к примеру, нужны оба. Это вам не почки, которыми можно и поделиться с каким-нибудь миллиардером. Так что хренушки! То есть, разумеется, чисто по-человечески понять людей можно. Оно всегда приятно приложиться и испытать челюстные косточки на прочность, но все же позвольте уклониться и откланяться. Вы уж лучше по стеночке, по кирпичикам да по мешкам с опилками! А мы в лаптях-с и без амбиций...

Впрочем, на ринг я все равно выполз. Как мысленно не изводился, как ни мечтал задать деру. Потому как – повеление рока. Все выходили, – и я вышел. Потому что не лучше и не храбрее. Смешно звучит, верно? А ведь так оно и есть на самом деле. Удрать – значит, проявить отвагу, противопоставить себя коллективу. Поучаствовать – стало быть, встать в шеренгу, что, разумеется, проще, хотя и напрямую вредит здоровью. А вредит, между прочим, крепенько. Всякая там гражданская дребедень вроде камушков в печени и остеохондроза – это гарантировано само собой, но вот болезнь Паркинсона вдобавок – не желаете? Или пальчики-сосисочки, из которых не то что ложка, – сигарета будет вываливаться? Тоже не хочется? Вот и мы не хотим, однако премся на ринг черт знает за чем, как тот ломанный-переломанный альпинист, что лезет и лезет себе на заповедный Эверест.

В общем вышел, поприседал, помахал ручонками, чтобы все увидели, какой я русский богатырь, боднул парочкой ударов незримого противника. Последний в общем-то уже проявился из небытия и в противоположном углу сотворял нечто похожее, вихляя конечностями во все стороны, заранее убеждая публику, что победа у него в принципе в кармане, а предстоящий бой – так, небольшая формальность, галочка для отчетности. При этом он буровил меня своим колючим взором, подтягивал на животе звездно-полосатые трусы, нагонял страсти-мордасти. Короче, гипнотизировал, как умел. И всерьез ведь так старался! Пришлось скривить ему ответную гримасу. Очень уж не люблю такое пугалово! Это уже даже не спортивная злость, а какая-то спортивная ненависть. А там, где ненависть, – какой, к дьяволу, спорт! Еще и бабенки какие-то крашенные принялись визжать из зала. Ему, конечно, не мне. Хотя я тоже, к примеру, мог бы пригласить Катьку с Ленкой. Мог бы, однако не пригласил. Девчонок в спальни приглашают, на худой конец – в рестораны с филармониями, а туточки нормальным дамам делать нечего. Не следует слабому полу глазеть на чисто мужское свинство. Может, это и не испанская развлекуха с забоем быков, однако, если разобраться, немногим лучше. Сами судите, собирается преогромная толпа и устраивает форменный торчок от того, что двое чувачков машутся в утлом загончике пять на пять, вышибая друг из друга последний дух и последнюю кровушку. То, что им пло-

хо и больно, зрителям, собственно, по барабану. Гони кайф, гладиатор! Заставь протащиться! За то и платили... Весело, да? Вот и скажите на милость, где тут великая идея и заповедная философия? Разумеется, нетути! Ну, а этот выскочивший против меня самец рассуждал, видимо, совершенно иначе. И философию имел свою наижелезнейшую. Оттого и наприглашал целый гарем телочек. Точно в драмтеатр. Дескать, будет драма – да не с нами.

Я глядел на него и поневоле проникался той же самой ненавистью, отыскивая во всей его внешности, в мимике и выражении глаз черточки наиболее пакостные и наименее аристократичные. В сущности зеркально заряжался тем же, чем и он. А что мне еще оставалось делать? Слезу скую лить? Фигушки! Кровавую соплю утереть всегда успеем, а пока подергаемся и подрыгаемся! За битых дружков попробуем отомстить. Вендетта – она и в России вендетта! Пусть местные блатмены и кайфоманы видят, что мы тоже умеем оттопыриваться. Реально и конкретно!..

Тихо подошел обутый в белые чешки рефери. Плотно улыбнулся, показав фарфоровый оскал.

– Не вязаться, соколики, – работать чисто! В зале президент федерации, так что нужен красивый бой. Все ясно?

– Красиво только в кино, – промычал я. Промычал, потому что пасть перекрывала капа. Не кляп, конечно, но красноречию чуток мешает. Не пошутишь и не поплюешься. Таковы суровые правила мира маркиза Куинсберри.

Покрутив головой и поневоле прищурившись, сквозь сияющую полосу табачного тумана я оглядел публику первых рядов. Вот она пастораль урбанизированного века. Бритые головенки, массивные загривки, в кулаках – утопленные по самые шляпки жестяные емкости. Элита, блин, грядущего миллениума! А вон, кажется, и его величество господин президент. Расстегнутый ворот, волосатая грудь, цепочка, само собой, в палец толщиной и мальчишки по бокам. Одно слово – бычара!.. Если пойдет все тем же ходом, лет этак через пять получим такого же красавца в Кремле. Это я вам конкретно обещаю. То есть не я, понятно, а время. Меня, бобика рядового, никто и не спросит. А спросили бы, давно бы правила Россией какая-нибудь дамочка. Алла Пугачева, к примеру, или Тамара Гвердцители. Я так понимаю, если петь умеешь, с законами по-любому справишься.

Секундант, миниатюрный и веснушчатый Серега, потрянул мне напоследок руку, не очень уверенно посоветовал:

– Держи его на дистанции, Бил. Особенно поначалу. Не вяжись, хай-кики побросай. Короче, помотай как следует, а после третьего раунда он сам сдуется. Точно тебе говорю! Вон какая туша! Как выдохнется, так и начнешь его месить.

Само собой! Начать и кончить – это нам только давай. А как советовать – все чатлане! Спасибо, что подсказал. Век живи, век учись! И куда бы мы делись без наших многомудрых советчиков?

– До третьего не подставляйся, слышишь?

Я хмыкнул. Дожить бы... До этого самого третьего. Потому как, кто я такой? Не Тайсон и даже не Костя Цзю. Так – боксеришка средних способностей и умеренной прыти. А они тут с самого начала учились бить всеми четырьмя копытами. Уральское, блин, бушидо. Даже башкой к кирпичам, по слухам, прикладывались. А доброго Била этому не учили. Почти. Бил-Кирилл вырос на джентльменских кулачных правилах, и чего вы от него хотите, господа хорошие? Конечно, скорблю, но факт есть факт, и чистый бокс подле восточного не пляшет. Кое в чем за последний год нас все-таки пробовали поднатаскать, но все это было сущим ученичеством.

Рефери приглашающе свел руки, меж ладоней его проскочила незримая молния, и мы тронулись из углов парочкой горных баранов. Подобие рукопожатия для публики, и понеслась...

Он двинулся на меня, как танк на панфиловца. На пару моих деликатных плюх, кажется, и внимания не обратил. Вероятно, можно было встретить его жесткой серией, поставить на место, но я их тут уже насмотрелся – этих крутолобых хозяев дворца. Толянчик тоже пытался останавливать, и что вышло? Полный облом. Вот и нечего духариться, тем более, что подбородок у противника был точь-в-точь как мое колено! Вот и соображай, имеет ли смысл по такому колену бить? Только кулаки расшибешь. И по гениальному Серегину совету я пустился в бега. Пара кругов, легкий выпад,

летающий в никуда хай-кик, и снова пара кругов. Кружусь, как бабочка, жалю, как пчела... Ха-ха и хе-хе! Мой противник в таком случае тянул на шмеля – злого, мохнатого, не отстающего от меня ни на шаг. Увы, это в боксе можно кружить и кружить. Здесь шли на столкновение без затейливых выдумок, цепляли ногами, подлавливая на разворотах. Я показал «шмелю» классическую двойку – попал в грудь и в голову. Эффект – ноль, в ответ же схлопотал пинок по бедру – да такой, что едва устоял на ногах. И еще разок – по тому же самому месту. На мои же встречные удары в голову парень по-прежнему не обращал никакого внимания. Вот что значит – лицевая мускулатура! А я-то, наивный, полагал, что такой не бывает. Бывает, братцы! Еще как бывает!

Выпадом фехтовальщика я достал громилу в ухо, он мотнул головой и чуть зацепил меня по виску. И сразу на верный шажок я приблизился к блаженным ощущениям Толяна. Иноки из поднебесья дружно дернули за веревки, раскачивая медные пудовые языки. Колокола дрогнули и загудели – пока еще издали, но уже довольно отчетливо. А в следующую минуту этот слон зажал меня в угол с самыми серьезными намерениями – все равно как подгулявший матрос нехрабрую девочку.

Тоску и грусть – вот, что, по идее, должен был я испытать. Не люблю хамства, хоть тресни. Обижаюсь и начинаю грустить. Только вот некогда было что-либо ощущать, потому что, ускользнув от встречного крюка, этот носорог пле-

чом вонзился в мою грудь и поднажал так, словно вышибал дверь затопивших его соседей. Правда, правда! – точно бревном навернул. Что-то там даже треснуло внутри. Ребра – они ведь, ешкин кот, не из титана!

А в общем борьба – так борьба. Не выношу объятий с однопольными, но что не сделаешь, когда хочешь жить и продолжать рвать цветочки на лугах? Тем паче, что и бить-то особенно было некуда. В крошечную головку попробуй попади, да и та зарылась мне куда-то под мышку... Ишь, бронтозавр! Приподнять захотел! Подушить его немножко, что ли? Где там у людей сонная артерия? Помнится, в летнем лагере мы развлекались таким образом, добивались глюков... Я со всех сил стиснул шею противника, но ничего не добился. То ли нужной артерии у него не водилось, то ли хватка моя оказалась слабее питбулевской. Тем временем колено этого мамонта садануло меня сначала в пах, потом под ребра. Я крикнул. Вспомнив, что можно работать локтями, начал наколачивать ему по хребтине. Бесполезно. Все равно как бить по валуну... В ответ получил парочку освежающих ударов под киль! В голове – вспышки, в глазах – туман. Только благодаря канатам, я сумел удержаться на ногах. Ну, а мысленно попросту возопил. В самом деле! Когда же этот тарарам кончится? Гонг давайте, козлы! Больно же!..

Без устали работая ногами, противник вышибал из-под меня опору, но я подпрыгивал и снова вставал на обе ноги. Этакий ванька-встанька. А попутно доставал кулаком

по вражьим почкам. Не сейчас, так на утро почувствует. Пописает, гадюка, свеколкой! Нельзя же так с соперником обращаться. На дворе не тридцать седьмой!..

В правое ухо пулеметной очередью ударил чей-то вопль:
– Вали его, Киря, не телись!

Если Киря, значит, я. Еще один совет постороннего. И как вовремя! Узнать бы потом имечко крикуна. Для сердечного разговора. Только ведь не узнаю. Кто в таком хае что запомнит.

Рефери семенил рядом, часто пригибался, заглядывая в мое лицо. То, что мы так рано стали «вязаться», ему явно не нравилось, но бой, пусть не слишком зрелищный, двигался своим чередом. Трижды этот богатырь, как какой-нибудь Архимед, гнул ко мне землю, но я цеплялся за действительность и выстаивал. В конце концов, это ему надоело. Он ринулся назад, и его кулак неласково мазнул меня по носу, выдавив из него задорную струйку крови. Со стороны это выглядело так, словно я сморкнул ударившему в грудь. Полный прикол, хохочи – не хочу. Только вот капа мешала веселью. А главное, я этими секундами тоже воспользовался, обрушив на маленькое лицо и могучую челюсть град ударов. Простейшее арифметическое действие разродилось наконец-то ответом, и сил я больше не экономил. Так и так бой был проигран. В моем сознании, в моих недавних фантазиях. Вот я и старался напропалую. Тут уже было не до классической техники. Шумно дыша, мы топтались на месте, добросовест-

но работая кулаками, надеясь в жестком обмене ударами получить преимущество. То есть, это он, наверное, надеялся, а я просто тратил энергию и выпускал пар. Куда как обидно оказаться нокаутированным в первом же раунде! Все равно как с полным баком горючего выехать из гаража и проколоть шину. Хренушки! Меня такой расклад не устраивал. Чтобы, значит, весь пыл души и сердца, всю комсомольскую страсть – и впустую? Фиг вам, господа хозяева! Хоть что-нибудь да сделаю. Чтобы, значит, не было потом мучительно горько и больно. Хотя больно-то все равно будет, а вот горько...

Публика, глядя на нас, тоже стремительно разогрелась. Мало-помалу свист и ор поднялся такой, что впору было выходить на ринг с затычками в ушах. А мы, знай, пританцовывали и молотили друг дружку, и я со злорадством видел, как распухает и багровеет физиономия моего противника, как алые кляксы, перейдя с его разбитого рта на мои перчатки, одинаковыми вензелями пятнают его грудь, лоб и живот. Моя собственная голова моталась, как погремушка в детской ладони. Я считал вспышки и ничего уже не чувствовал. Главное было не падать и держать противника в поле зрения. Мы так часто махали кулаками, что ни ему, ни мне было не до ног. А когда прозвенел гонг, рефери гвоздем вклинился между нами, и этот бычок по инерции зацепил его правым крюком, чуть было не послав на пол. Рефери сказал нехорошее слово, но сдержался. Видимо, бывали в его жизни слу-

чай и похуже. Качаясь, как пьяные, в соплях и крови, мы разошлись по углам.

– Класс, Бил! Класс! – взволнованный Сергуня мокрым полотенцем вытирал мою харю и одновременно массировал плечи. – Ты его под орех разделал. Вчистую! Он и ножонкой дрыгнуть не мог.

Я слушал его и не слушал, голодным птенцом разевая рот, заглатывая воздух гекалitraми и гекатоннами, спеша надыхаться, пока есть возможность. Голову кружило, в ушах стоял несмолкаемый звон.

– Я там сходил к ним, сказал о тебе пару слов. Сказал, что могут свечку своему гаврику ставить. Видел бы ты, как они перепугались. – Сергуня нервно хохотнул. – Жаль, гонг помешал. Еще бы парочку минут, и этот козелок, как пить дать, лег бы на пол!..

Были бы силы, мог бы рассмеяться. Уж кому, как не мне, было знать, какой ценой достался бедолаге Билу этот раунд. И уж, конечно, через пару минут на пол улегся бы я, а не этот «козелок». У козлов черепа крепкие, и встряхнуть мозги – им все равно что чихнуть. Я выстоял, потому что выложился. Второй раунд обещал стать моей последней героической сонатой. Ми-минор, адажио sostenuto. И словеса Сереги я пропускал мимо ушей. Глядя на светильники в потолке, мысленно попрощался с солнышком. Когда протрубят первые трубы, мне станет уже не до него.

Так оно в общем и вышло. Пока я неторопливо подни-

мался, следуя приглашению рефери, мой противник уже бежал и рвался ко мне, как пес, спущенный с цепи. По его прыти можно было понять, что случившееся минуту назад он воспринимает, как чистой воды недоразумение. Вот хорошо было бы разубедить его, но для этого требовались весьма веские аргументы. Стать бы, к примеру на десять секунд Холифилдом! Или глыбой бетона! Вот тогда да. Тогда этот танк, наверняка бы, притормозил. У тех же панфиловцев были по крайней мере гранаты, а что было у меня?

Я шатнулся навстречу судьбе с намерением возобновить обмен ударами, но этого питекантропа подобная тактика уже не устраивала. Думать он тоже малость умел. И коли не дают результат руки, пора пускать в ход ножные шатуны! Вполне нормальная человеческая логика... Он колотнул меня пяткой в бок, и, пока я осмысливал случившееся, произвел странный кувырок. Его ступня грохнула меня прямоком в лоб, чуть повыше переносицы. Я полетел на пол, даже не сумев подстраховаться, и еще раз приложился затылком к полу. Дикость какая! Головой – и об пол! Там же эти самые! Полушария!.. Рефери уже сгустился надо мной призрачным облаком, энергично принялся давать отмашку. Наверное, считал. Цифровед хренов! Я не слышал его голоса, но видел, как он разевает рот. Не слышал и публики, которая, конечно же, продолжала неистовствовать. Вдруг припомнилось, как тонул однажды в детстве, и какой-то посторонний мужик волосатой рукой тащил и тащил меня из ому-

та тошнотворного забытья. Первые проблески солнца, изумительная синь неба и запоздалый испуг, что всего этого уже могло бы не быть...

– Лежи, дурак, куда ты?

Я так и не понял, кто это сказал. Может быть, рефери, а возможно, и Сергуня, обежавший ринг кругом и просунувший голову под канаты. Светлые его кудри мелькали где-то совсем рядом, но сил поглядеть в его сторону не находилось. А вот на то, чтобы встать, почему-то нашлись. Как бы то ни было, но я поднялся. Зачем, для какой такой надобности – на это не мог бы ответить никто.

– Порядок? – рефери с любопытством эскулапа-прозектора заглянул в мои глаза и, подозрительно легко уверовав в ответный кивок, отскочил в сторону. Он словно распахивал роковой занавес. Вновь бешено заплодировала галерка, и главный герой спектакля, этот бык с обогранными первой кровушкой рогами, вновь ринулся на кумачовую тряпицу, именуемую Билом-Кириллом. Но и я уже бежал на него. Бежал, чтобы не упасть. Так бегут пьянчужки – от дерева к дереву, разгоняясь и падая, раз от разу все более сокращая путь до родной жилплощади. Во всяком случае мой соперник этого явно не ожидал. Его хук просвистел над моим ухом, а я макушкой врезался в его челюсть, отчего он на пару мгновений потерял сознание. Я такие вещи знаю. Состояние «гроги», этакая отключка на ногах. Мир пропадает, ничего нет, но ты еще почему-то стоишь. Тело бодрствует, по-

нимая, что мозг уснул ненадолго, а такое и опытный рефери не всегда заметит. Пожалуй, это был мой звездный момент. Тот самый миг из песни! Ослепительный и единственный. Если бы нашлись силы, хоть куцая горсточка, я бы проще простого положил этого слона. Всего-то и требовалась пара точных ударов. Кусок несъеденного мяса, сотни винтовок мексиканца...

Увы, не помогли вопли болельщиков и не согрела чужая любовь. Я самым позорным образом иссяк, да и раскачивался слишком долго. Запоздало мазнул врага по уху, ударил еще раз, но угодил вовсе куда-то в грудь. Он отшатнулся, но не упал. А уже в следующую секунду душа его вернулась в тело, и прояснившимся взором он поймал меня в прицел своей перчаточной двустволки. У него-то киловатты в запасе еще имелись. Пространство бултыхнулось перед глазами, праздничным искрящим салютом понеслось вверх. Меня ударили, – тупо подумал я, опрокидываясь на спину. Меня снова ударили! Может быть, в тысяча сто сорок первый раз...

Лежа на спине, я созерцал купол дворца и сравнивал его с небом. В древнем Риме дрались, помнится, под открытым небом. Италия – не Урал, там не водится зим, и падающие гладиаторы видели не металлические сваи с пыльными разводами на потрескавшемся бетоне, а кучерявые облака и лазурный чарующий свод. Им было намного легче – нашим римским пращурам. Золотистые снопы солнца про-

бирались меж ресниц павших, бередили угасающую память. Проснись, гладиатор, еще не вечер! И публика еще не развернула перста в землю... Вставай же, балбес! Черта лысого ты тут разлѣгся!

Я шевельнул перчатками в поисках опоры. Скользкий, заляпанный человеческим потом ринг. Хоть бы руку кто подал! И впрямь легче им было – этим древним в их древнем Риме. Солнышко светит, ветерок овевает, и экология не чета нашей. Полежал, поглазел и встал, опираясь на меч. Если, конечно, не добили и не догрызли...

Пыльный развод закачался и поплыл, перейдя в увешанные плакатами стены, в море людских голов. Словно картошка в колхозном амбаре. А вот и оскаленная ряшка президента. Тоже вскочил на ноги. В зубах сигара, из банки пена брызжет, а кругом мутно, пыльно, грязно... Какой гад, интересно, разрешил нынешней публике курить в залах? Мало им пива? Новорусы хреновы! Хрустели бы своими фисташками, шоколад бы жевали, а курить-то зачем? Мы же вам не амфибии из аквариума! Нам тоже дышать хочется...

Как бы то ни было, но я снова стоял на ногах, качаясь, как шест со скворечником, и снова выла толпа, то ли восторгаясь, то ли негодуя упрямством заезжего ваньки-встаньки. Понятное дело, им хотелось выкрикнуть долгожданное «гол», а паскудник вратарь всякий раз умудрялся перехватывать мяч за сантиметр от роковой черты.

– Держись, Кирилл! Ты ему зуб вышиб, слышишь?

Это, конечно, орал Серега-Серегин. Он тоже сошел с ума, как и все вокруг. С подобным массовым шизом я тоже был отлично знаком. Болеть страстно можно либо за своего, либо за личность. Когда встают после второго нокаута, это странно. И самые толстокожие перестают жевать каучук, потому что бой превращается в зрелище. Битва двух канатоходцев. Падают, но цепляются, строптивцы. А внизу сорок метров невесомости и всего три секунды жизни...

– Ты уверен, парень? На все сто? – рефери держал меня за руки. Я браво кивнул, и лицо его сморщилось. То ли от жалости, то ли от презрения. Однако новые правила турнира не позволяли ему вмешиваться. Нет полотенца, нет и финала. Технические нокауты – все в прошлом, даешь настоящий, классический – до полного беспометства!

– Ну, смотри. Тебе пропадать.

Точно подметил, цицерон! Не ему, – мне.

Нам дали сигнал. Вернее, дали сигнал моему противнику. А я просто стоял и ждал. Но вот ведь смех, этот мускулистый здоровяк уже не рвался в бой на добивание. Чего-то он вдруг испугался и вместо того, чтобы единым тореадорским ударом окончательно сокрушить восставшего недотепу, проделал несколько опасливых кругов. Как компасная стрелка я поворачивался за ним следом, держа одну руку возле подбородка, вторую на угрожающем отлете, не предпринимая никаких попыток атаковать. Зачем бегать и догонять? Сам придет, не маленький... И, разумеется, он пришел. Я влепил

ему по носу, чуть не сломав кисть. Но чуть раньше он резанул перекрестным правой. Клоунская вилка! Его отбросило на канаты, меня привычном кульбитом – все на тот же родимый пол.

Обломова, господа присяжные!..

Глаза лопнули бенгальскими брызгами, душа мыльным катышем выскользнула из постылого тела. Я уснул – и на этот раз крепко.

Глава 2 ОКЛЕМАЛОВКА

– Дурик, ты зачем вставал? – тренер Володя нервно ходил возле меня взад-вперед, словно шагами измерял длину моего распростертого тела. Тридцать восемь попугаев, восемнадцать авторучек и так далее... Я лежал на столе, но, тьфу-тьфу, не в покойницкой, – всего-навсего в мужской раздевалке.

– Ясно же было, забудет. Он же в Голландии стажировался! Без пяти минут черный пояс. У тебя что, здоровье лишнее? Лежал бы себе и лежал!

– А ты чего полотенце не выбрасывал? – я даже удивился, что первая моя фраза после выныривания из беспамятства звучит столь осмысленно и нагло.

– Тебя, осла упрямого, хотел поучить, – тренер хрустнул костяшками. – Надо все-таки соразмерять силы! Не первый раз выходишь на ринг. Можешь сражаться, – воюй, а нет, – не выпендривайся. Будешь теперь за бока держаться.

– Ничего, оклемаюсь.

– Оклемается он! – тренер продолжал похрустывать пальцами. Видно было, что он страшно переживает, но утешать его никто не спешил.

– Кирюха ему зуб вышиб! – вступился за меня Серега. – И нос чуть не сломал. Этому козлу там сейчас тампонов женских целую пачку напихали, чтоб кровью не изошел. Сам ви-

дел, в натуре.

– А ты вообще помалкивай! Визжал у ринга, как резаный. Я думал, у меня барабанки перепонные лопнут!

– Барабанные, – хмыкнул кто-то.

– Чего?

– Перепонки, а не барабанки.

– А я чего сказал? – Володя сердито засопел. – Умные все стали! Грамотные!.. Только горланить у канатов – много ума не надо.

– Так все же орали, – пробубнил Серега.

– Ты за всех не отвечай! За себя думай!.. – тренер раздраженно отмахнулся. Кроме него и Сереги тут сидела почти вся наша команда – в том числе и Толян с фиолетовой печалью под глазами, Горя-Мальчик с рассеченной губой, Петюк, Лимон, Кашей безбровый и другие. Все глазели на меня, и никто из них, судя по всему, не был согласен с тренером. Покряхтывая, я сел, и тот же Сергуня поспешил мне на помощь.

– Ладно тебе, Володь, – пробасил Горя. – Чего брюзжать-то теперь? Кирюха, считай, за весь наш клуб ответил. Марку чуток поддержал.

– А если бы его угробили?

– Так ведь не угробили?

Аргумент был железный, и тренер, буркнув что-то невразумительное, умолк. Крыть было нечем. Событие и впрямь произошло наигрустнейшее. Побили нас всех. Всю команду

оптом. И зуб моего противника был единственным трофеем, добытым на поле брани. Капля меда в бочке дегтя. Поэтому ребята и роптали, поэтому тренер и негодовал. Ему было обиднее всех, и уж я-то точно знал, почему он не выбрасывал полотенце. Надеялся, что хоть кому-нибудь улыбнется удача. До самого конца надеялся. Чудо – оно ведь такое. Как лампа с болтающейся нитью накаливания. Вроде холодная, но в любой момен может вспыхнуть. Потому и верится в невозможное, хоть и атеисты мы все до мозга костей. И тренер наш до последнего ждал нереального, молился про себя госпоже Фортуне, а она взяла да не улыбнулась. Весело? Что-то не очень. И кто виноват в итоге? Разумеется, дурачок Бил. То бишь – я.

– Ну? Как ты? – тренер вновь приблизился ко мне, угрюмо потрепал по всклоченной голове. – Головенка, небось, гудит?

– Есть немножко. Мне бы нашатыря в путь-дорожку. Самую капельку.

– Да совали тебе уже. Ноль внимания! Как труп лежал. Пришлось на плечах выносить... – Володя кивнул ребятам. – Проводите его, что ли, до машины. Я уже сказал водиле. Довезет куда надо.

– Да ладно, чего там! – я ухмыльнулся, однако Серегину шею все же приобнял. – Доберемся как-нибудь.

С полдюжины ладоней дружески хлобыстнули меня по спине. Это было приятно. Тем более приятно, что одна их

этих ладоней принадлежала тренеру Володе. Я ЧУВСТВОВАЛ, что все они в эту минуту немножко мною гордятся. Амбразуры вражеской я не прикрыл, но ведь полз к ней! Трепыхался и полз до последнего...

На пороге дворца кто-то нас остановил. Я едва узнал своего противника. В летней куртке-дутьше, в фирменном кепи, смотрелся он матерым купчиной. Только вот рожа вся оттоптана, а из одной ноздри и впрямь торчал клочок ваты.

– Ты молоток, – он ткнул меня кулаком в живот. – Держи пять, тезка. Тебя ведь Кириллом зовут?

– Точно.

– Вот и я Кирюха, – он щербато улыбнулся, и я вдруг увидел, что лицо его даже в таком жутковатом виде тоже по-своему симпатично. Бычара, конечно, но с человеческим ликом. Забавно, но так оно с нашими физиономиями и случается. Стоит чуть улыбнуться, и сразу на людей становимся похожи.

– Ты за зуб не сердись. Так уж вышло, – пробормотал я.

– Ерунда! – он отмахнулся с таким великодушием, будто этих самых зубов у него росло, как крапивы на пустыре.

– Я уже в отключке, считай, был, вот и боднул.

– Фигня! Искусственный вставлю. Все равно он у меня с дуплом был. Болел по вечерам, зараза.

– Тогда не так обидно.

– Само собой!

– А нос как? Нормально?

Он пожал могучими плечами.

– Заживет. Лепила, главное, сказал, что перегородка целая.

– Перегородка – это основняк.

– Реально – основняк. Пятак – он, считай на перегородке и держится. Не на ноздрах же!..

Мы замолчали. К нему приблизились приятели, нас обступили. Случись это где-нибудь в темном переулке, стало бы неуютно. Парни были под стать Кирюхе – бритые наголо, с воловьими шеями и крутыми плечами. На меня поглядывали с любопытством.

– Ты вот что, – тезка покосился на Серегу. – Президент-то действительно в зале сидел. Он у нас вроде спонсора и куратора. Так вот. Он потом ко мне подходил, сказал, что ты ему понравился. Имеет интерес с тобой побазарить. Как ты насчет этого?

– Базар – не драка, отчего бы не поговорить.

– Вот и лады. У него и офис туточки. На третьем этаже. Любой покажет. Можешь в зал заскакивать, прикинем что-нибудь. Так что заходи.

– Спасибо. Только у меня, понимаешь, работка светит. Как раз на днях. Командировка за город.

– Понял... – Кирюха уважительно свел брови. – А сегодня, значит, прощальное танго было, так, что ли?

– Вроде того.

– Ну все равно. Как освободишься, заглядывай. Чем раньше надумаешь, тем лучше. Я уже сказал, президенту ты по-

наравился, а он мужик из крутых. Все может. В общем забивай стрелочку и приезжай, лады? Телефон я тебе дам.

– А зачем стрелочку-то? – ревниво вмешался Серега. – Чего он ему сказать-то хочет?

– Найдутся темы. У нашего президента планы большие.

– Понятно. Мафия?

– Ага, – фыркнув, Кирюха на клочке бумаги корявыми цифирками записал телефон. Судя по всему, пальчики у него после боя тоже чувствовали себя неважно.

– Держи. И помни. Такого жеребчика у нас завсегда на довольствие примут.

– Давай, – помедлив, я взял телефон, и тезка враз воодушевился. Глядя больше на Серегу, чем на меня, веско сказал:

– У нас – не у вас. И шмотки, и пропитание. Про зал уже не говорю. В Корею с Японией выезды намечаются, шоу-турниры. А там призы не шоколадные, – в валюте. Иногда в спецзалах выступаем перед шишками.

– Это что, навроде гладиаторов?

– Ну, не совсем, но похоже. Главное – бабки солидные отстегивают, и думать ни о чем не надо.

– Это хорошо, когда бабки и думать не надо.

– А то! За год на машину заработаешь. Это я тебе говорю! Короче, соображай.

– Обязательно, – пообещал я.

– Ну давай!

Я пожал его лопатообразную ладонь, лишний раз поди-

вившись, как такой ручищей он меня не убил. Но не убил же! И как же славно, что не убил! Потому как любо, братцы, любо, – сладко, братцы, жить! В особенности после таких потных баталий.

Мы дошли до машины, и я с блаженным вздохом упал на сиденье.

– Чего ты соображать-то собрался? – угрюмо осведомился Серега. Веснушки в сумраке салона почернели, сделав его лет на пять старше.

– Соображать никогда не вредно, – я достал написанный тезкой телефон и, скомкав, сунул Сереге за шиворот.

– Сам прикинь. Чего было обижать парня? Он зуб потерял, хоть и с дуплом.

– Он зуб, а ты – сознание,

– Сознание – что! Потерял и снова нашел, а зуб – это уже навсегда. Потому что из фарфора, Сергунь, только чашки хорошие делают, а зубы должны быть свои собственные.

Он заулыбался, дурак такой, и я вдруг понял, что этот похожий на суслика подросток по-настоящему привязан ко мне. Где-то по-своему даже любит. Я тоже расплылся. Хорошо, когда тебя любят. Особенно, когда ты слаб, немошен и болен. Сильных легко любить, а вот слабака какого-нибудь, пьяного в зюю или недобитка раненного – этих любить всегда не просто. Так-то, братцы кролики...

***

Катька охнула, но в обморок рушиться не стала. Все-таки не башня – не Невьянская и не Пизантская. Сказав Сереге: «Эх, ты, а еще друг...», она пошла готовить примочки. Серега поглядел на меня страдальческими глазами и жалобно попросил:

– Я приму у вас душ? В общаге опять ни горячей, ни холодной.

Я великодушно кивнул. Мне что, – воды Катькиной жалко? Льется себе и льется.

Есть не хотелось, хотелось пить. Чего-нибудь кислого, потому как сотряс – то же похмелье. Его надо окислять – и по возможности активно. Поэтому я нацедил в стакан апельсина с лимоном, разбавил водой и выдул одним махом. Рухнув в кресло, включил магнитофон и напялил на голову наушники. Что-нибудь тихое и вдохновляющее – вот чего мне сейчас хотелось. Какой-нибудь Патрисии Каас, к примеру, Дассена или «Реквием» Моцарта. От последнего всегда торчу, хоть и не писал маэстро партий для электрогитары. Упущеньице, конечно, но простимо. Не было во времена Амадея электричества. Не придумали еще. Свечки жгли с лучинками, а вместо электрогитар – на скрипках наяривали да на органах. Тоже, кстати, хороший ход, потому как орган по сию пору – самый «роковый» инструмент. Круче не изобрели. Да и скрипку не всякий синтезатор передразнит. Потому как слабо.

Короче, кассету я извлек с нужной наклейкой, однако заиграл почему-то не Моцарт, а «Мунлайт ин Москоу» Криса де Бурга. Этого ирландца я тоже уважал. Ирландцы – вообще талантливый народец. Дружок мой Вараксин как-то утверждал, что талант – закономерная черта всех угнетаемых племен. Вроде компенсации за невеселую жизнь. И те же гонимые поляки в труднейшие из своих времен подарили миру Митцкевича, Шопена, Огинского. Ирландцы тоже сплошь и рядом удивляют музыкальным даром. Может, и правда, что, не пострадаешь, не поешь? В смысле, значит, не сотворишь... В общем пока я балдел от аглоязычного музона, Катерина потихоньку раздела меня и уложила на застеленный диван. На нос, на виски и под глаза налепила свинцовых примочек, поставив рядом таз, обтерла меня с ног до головы – сначала водой, потом лосьоном. Это я давно заприметил, запах пота ей почему-то не нравился, а вот терпкий, кувалдой бьющий по мозгам лосьон – как раз наоборот. Одно слово – женщины. Трудно их понять, но я привык. Принял, как говорится, за аксиому. Впрочем, черт с ними – с запахами, другое обидно – очень уж деловито обихаживала меня Катюха. Без трогательной нежности я бы сказал, без щемящего трепета. Именно поэтому, вторя напевам Криса де Бурга, я проныл:

- Катюх, сегодня меня в пах били. Грубым и толстым коленом. Как последнего пацака!
- Не ори! – она постучала себя пальцем по уху.

Тут она была права. Когда я в наушниках, я всегда ору.

И все же мне хотелось поплакаться.

– Теперь я не смогу заниматься с тобой ничем. Врач сказал, воздержание три года, представляешь?

– Вот дурак!

– Ты меня теперь бросишь, да?

– Такого хилого и глупого – грех не бросить.

– Сам знаю. Таких любить трудно. Это сильных да умных – просто, а ты – меня попробуй. Как Сергуня.

– Уже пробовала.

– И как?

– Горьковато...

Я подумал, что она снова намекает на запахи, и еще раз уточнил:

– Так ты меня разлюбишь или нет?

– Или да, если ты не бросишь свой носорожий спорт.

Я призадумался.

– Больно заковыристо для сотрясенного разума. Или да, если не...

– Я говорю, бросай спорт, тогда потолкуем! – крикнула она, приподняв один из наушников.

– Брошу. Обязательно и наверняка. Ты же знаешь, я еще ни одного дела до конца не доводил. Так будет и с боксом.

В наушниках загремел рок-н-ролл Меркьюри. Не выдержав, я вскочил с дивана. Примочки посыпались на пол.

– Слушай, нам надо немедленно потанцевать!

– Ты сдурел? У тебя голова разболится!

– Она и так болит. Давай, пока он поет.

– Кто – он?

– Неважно, – я задвигал руками и ногами, изображая танец. Жаль провод не давал далеко разбежаться. Словно собачонка вокруг конуры, я вертелся вокруг магнитофона, выделявая голым телом довольно рискованные пируэты. Не верите, попробуйте сами – с сотрясенной головой да под Меркьюри. Катька держалась за живот и покатывалась со смеху. Блондинки – они все смешливые. Ленка, к примеру, – шатенка, а потому любит молча вздыхать, то и дело ныряя в океан своих внутренних миражей. Потому, наверное, и не поехал к ней. Какая, к черту, медпомощь! Положит мне руку на лоб и сочувственно замолчит. Катька же дама активная, а по части похихикать да похохотать – и вовсе сущий талант! Час может смеяться! Правда-правда! Мне через пять минут плохо становится, а ей и через час хоть бы хны. И что с нее взять? Глупая она у меня – Катюха. Хоть и с феноменальной грудью. Куда там Мэрилин Монро до ее бюста! Если бы еще ума побольше, цены бы девочке не было. Но, видно, ум ее весь в грудь ушел – в оба, так сказать, полушария. Потому и судит всех подряд, причесывая под одну гребенку. И я у нее всегда самый худший, самый ленивый, самый тупой и нескладный. Но мне не обидно. Годика через три, когда ей натикает, как мне сейчас, девочка, разумеется, поумнеет и все поймет. Правда, что именно поймет, я себе не слишком представлял, но так уж талдычат седобровые старики.

Не врут же они всем скопом! Что-то ведь мы должны понимать в свои двадцать три года. Как ни крути – возраст! Дартаньян у Дюма – был куда моложе. В сущности – юнец сопливый, а туда же – влюблялся, за моря плавал, людей мочил направо и налево. При этом музыки нашей не слушал. Ни Меркьюри, ни Патрисии Касс, ни Поля Мориа. Несчастный, если разобраться, парень.

– Сильных любить легко! – напевал я. – Ты слабака, по-друга, полюби! Чтоб грязный, потный и без глаз. Вот это, стало быть, любовь! Вот это чувство! Ну, а сильных... Сильных, моя голуба, если хочешь знать, вообще не любят!

– Как это? – Катька, сбросив с себя халатик и трусики, заприплясывала рядом со мной. Тяжелые, удивительных форм груди покачивались совсем рядом, дразня и отвлекая внимание, заставляя тянуться и тянуться к ним руками. Музыка она, понятно, не слышала, но копировала мои движения довольно точно. Я же говорю, – талантливая девка!

– А так, – заорал я. – Любовь к сильному – это эгоизм, а не любовь! Могучая спина, здоровое потомство – при чем здесь любовь? Чистой воды эгоизм! Поэтому платоники – самый передовой народ на земле. Даже лучше ирландцев.

– Чего же ты возле меня отираешься?

– Потому что с самого начала чуял в тебе душу, потому что знал, рано или поздно этим кончится, – я весело помахал руками, изображая улетевшее счастье. – Коленом в пах – и адыю! Но платонически я буду тебя любить еще довольно

долго. Может быть, даже лет до сорока трех.

– А дальше?

– Не знаю. Дальше ты станешь пенсионеркой, а этого я еще не проходил.

– Ой-ей-ей! – Катька скосила глаза куда-то вниз. – Похоже, с травмой у тебя не слишком получилось.

– Точно, – я сконфузился, – как же оно так...

А через минуту, накрывшись пледом, мы уже вовсю копошились на диване. Наушники с меня слетели, но мне было не до них. Платонизм, конечно, славная штука, но ведь как-то обходился я до этого без него, правда?

За нашими спинами скрипнула дверь, и, подняв голову, я рассмотрел мокрого Серегу. Часть своих веснушек он то ли просыпал по дороге, то ли смыл водой. Чистенький, кудрявый, румяный, аки ангел, он таращил на нас глазенки и ничего не понимал. Так и чудилось, что сейчас спросит: «А чё это вы тут делаете?...»

– Ой! – Катька высунула голову из-под одеяла и прыснула. – Я думала, он уже ушел.

– Я это... Насчет полотенца.

– У них в общаге нет воды. Ни горячей, ни холодной, – пояснил я.

– И полотенце тоже нет?

Серега ошарашенно кивнул. До него наконец дошло, чем мы тут занимаемся. Грамотный сорванец!

– Я тебе его принесу, – Катька пальцами изобразила идущую

щего человека. — Только ты выйди на пару минут, ага?

— На пару? — удивился Серега.

— На три, — уточнила Катька.

— На восемь, — подытожил я.

— Ой-ли? — Катька хихикнула.

— А вот увидишь!..

Голова болела, сердце екало от радостных и непонятных вещей. Хотелось танцевать и жаловаться на измученный ударами мозг. Я и жаловался. Таким вот заковыристым образом. Меня ласкали — и как бы жалели.

Один из моих соседей — девятилетний мальчуган частенько прогуливает во дворе свою трехлетнюю сестренку, беспрерывно тетешкаясь с ней, целуя в пухлые щечки. Спровадив ее домой, он с удовольствием хулиганит. Временами мне кажется, что я — это он, а он — это я. И когда я бываю пьян, я протягиваю ему руку, как мужчине. И вы мне не поверите, он снисходит до меня. Мы садимся на лавочку, лузгаем семечки и беседуем. Я рассказываю ему про Катьку с Ленкой, про тренера Володю, мечтающего о чемпионах, про электрогитары и политических врагов страны. Он хвастается ростом сестренки и говорит, что у них в классе тоже есть пара гадов, с которыми он дерется по три раза в день, а потом, демонстрирует мне корявую рогатку, торжественно обещая, что, тренируясь каждый день, постепенно доведет меткость до фантастических результатов, научившись попадать с пятидесяти шагов в спичечный коробок. И что вы думаете? Я

ему верю! То есть сам-то я с пятидесяти шагов в коробок никогда не попадал. Даже из мелкашки. Но что с того, черт подери? Дети должны идти дальше своих отцов, разве не так?..

Глава 3 ЧЕРТИК ИЗ КОРОБОЧКИ

Ночь прокатила на ять, утро прошло без зарядки. То есть зарядка, разумеется, была, но в основном – тазобедренная, без гантелей и эспандеров. Завтрака, правда, толкового не получилось, – спешили. Поэтому у Катюхи я только заморил червячка, более же основательно решил подкрепиться дома. То есть, конечно, если найдется чем. Но нашлось, тетушка не подвела. Правильно пел Мягков в той славной песне: если у вас нету тети, то вас отравит сосед. Мне подобная жуть не грозила. В холодильнике оказались остатки грибной пиццы, наваристый борщ и початая бутылка «Монарха». Пиво, надо полагать, не допил тетушкин ухажер. Нашел занятие более приятное. Что ж, молодец, коли так! По жизни – оно вернее не отвлекаться на мелочи.

Я разжег плиту, поставил разогреваться супешник, на крышечку кастрюльки, точно на сковородку, выложил венчиком нарезанные куски пиццы. Дешево и сердито. Ленка-аристократка меня бы не поняла, а вот Катюха и сама так иногда делает – больше из-за баловства, чем из лени. Да и мне со сковородой возиться не лень – просто жаль времени. Сковородку-то потом мыть надо! А здесь сполоснул – и все дела! Прогресс, братцы, как ни крути, все равно двигают лодыри. Научно обоснованный факт!

Очень скоро борщ зафырчал и забулькал. С пиццей в од-

ной руке и ложкой в другой я принялся восстанавливать истаявшие силы. На ринге меня вычерпали на две трети, остаточки высосала Катюха. И дело тут даже не в физиологии. Я же марафоны пару раз бегал, со спарринг-партнерами по пятнадцать раундов напрыгивал! Посчитать по калориям – так на дюжину Катюх должно хватить. Ан, нет, – не хватает! Значит, прав Леха Вараксин, говоря, что женщины это космический вакуум, который помимо ласк забирает нечто более весомое. Может, и впрямь какую-нибудь жизненную энергию. Потому и кружится после голова, потому и уходишь опустошенный. Хотя, как говаривал покойный Савелий Крамаров: делов-то сделано – на копейку! У них, кстати, картина совершенно обратная: веселятся, хохочут, в магазин за пивком вызываются сбегать. Так что поневоле задумаешься, у кого убыло, а у кого прибыло.

В момент выхлебав борщ, я с бутылью «Монарха» медленно обошел всю нашу далеко не бескрайнюю квартирку. Цицерон, говорят, сочинял длиннющие речи, гуляя по комнатам своей домины. Заставлял работать ассоциативную память. В наших условиях, точнее – в моих, спич получился бы в два слова, максимум – в два предложения. Хотя если еще выйти на балкон, а после заглянуть в туалет, выйдет чуток подлиннее.

Я сыто икнул. Куда, интересно, они удрали? То бишь, тетушка с ухажером? В кино или в цирк? Куда вообще нынче ходят влюбленные старички?..

На балкон приземлилась парочка воробьев – он и она. Воробей влюбленно чирикал, воробыха, раззявив клюв, зачарованно слушала. Я снисходительно улыбнулся. Ничего не поделаешь, как множество других обделенных железным занавесом, тетушка переживала позднее половое взросление. То, чего всю жизнь стыдились, неожиданно оказалось делом совсем иного порядка, не лишенным волнующей прелести и обычной физиологической пользы. Перестройка дала пинкаря по мозгам, и над страной грянула сексуальная революция. Тетушкин сумрачный аскетизм сменился воодушевленным ожиданием счастья. Кто сказал, что пираты под алыми парусами не приплывают к сорокалетним? Были бы, как говорится, паруса, а ветер найдется. На моих глазах тетушка превратилась в некое подобие Золушки. В доме объявились помады и тональные крема, возле зеркала в прихожей выстроилась добрая шеренга разномастных парфюмерных жидкостей, старушечье «заколенное» платье сменила кокетливая юбчонка. По счастью, у меня хватило ума не ухмыляться и не брыкаться. Возможно, я еще помнил, что сам обитал здесь на птичьих правах, а может, сообразил, что и сорокалетние заслуживают некоторых жизненных благ. В самом деле, чем они хуже нас? Тоже, если разобраться, живые люди! Во всяком случае перемены шли тетушке на пользу. Она расцвела, научилась улыбаться, стала гораздо спокойнее относиться к моим синякам и поздним возвращениям домой. Однажды и вовсе умилила, когда в день мо-

его двадцатилетия к подарочному галстуку присовокупила пачку презервативов. Во всяком случае я с изумлением понял, что меня наконец-то посчитали взрослым. Если прикинуть, – подарок из крутых! Не всякий родитель наберется отваги преподнести такое! Значит, что? Действительно плюрализм и демократия? Всеобщее равенство и братство? Может, и газеты пора приниматься читать? А что? Раз такое дается! Еще парочка-другая шагов – и, глядишь, бумкнемся лбом о конфетно-розовый фасад коммунизма!.. Несколько смущаясь, тетушка усадила меня за праздничный стол и сбивчиво поведала о тайнствах совместного существования тычинок и пестиков. Я месил зубами «Орбит» и рассеянно думал, что на наших глазах творится история. Потому как, братцы мои, история – это не генсеки и не перекраска знамен, это то, о чем хотят и могут говорить люди. Потому что сначала было слово, а уж потом все прочее... Короче говоря, объяснив про осеменение рыбьих икринок и попугав напоследок латынью венерических заболеваний, тетушка добила меня рассказом о безответственности иных соитий.

– Я знаю, ты, наверное, еще стесняешься покупать в аптеках эти предметы (она так и сказала: «предметы»!), поэтому я решила тебе помочь. Если понадобится еще, обязательно скажи мне. Ну, а как ими пользоваться, ты, надеюсь, догадаешься.

– Догадаюсь, тетушка. Ты просто прелесть! Главное – сама не залети!

– Кирилл! Что ты такое говоришь!

– Молчу, молчу!..

Жизнь стала меняться, и нельзя сказать, что в худшую сторону. Но иногда из квартиры меня теперь выставляли. Корректно и твердо. Всякий раз тетушка не забывала извиниться, да я и не думал обижаться, находя приют либо у Катюхи с Ленкой, либо в многокомнатной квартире Лехи Вараксина, моего корешка и нашего незаменимого басиста. Жизнь – это жизнь, за тетушку можно было только радоваться.

Дожевав пицу, я устроился перед телящиком и лениво застучал по клавишам дистанционного пульта. Политиков послушно сменили американские гангстеры, гангстеров – полицейские, а в конце концов возник старенький Таривердиев, играющий что-то на пианино. Одним ухом прислушиваясь к бурчанию в животе, вторым – к Таривердиеву, я откинулся на спинку кресла и сомкнул веки. Еще бы юную Пугачеву запустили, совсем стало бы хорошо. Скажем, что-нибудь из «Иронии судьбы»... Лучшие, если разобраться, из ее песен. Недаром Вараксин так и поделил времечко: эпоха ранней Пугачевой, эпоха поздней Аллы. Есть в этом некий потаенный смысл. Определенно есть...

Руки и ноги постепенно теплели, кажется, и в полушариях, переживших как минимум четырехбалльное землетрясение, начинал устанавливаться относительный порядок. Великое дело – молодость! Болезнь Паркинсона мне определенно пока не грозила. Сон, еда и Катюхи – все шло только

на пользу!

Я почти задремал, когда противной осой в прихожей зажуужал звонок. Чертыхаясь и с неохотой расставаясь с дремотной негой, я поплелся отворять ворота.

– Здорово, герой!

В квартиру вошли тренер Володя с аккуратным саквояжиком Чеховских времен и Борик Селиванов, который, кажется, и не думал хромать, ступая вполне твердо и основательно.

– Так... – промычал я. – Это как же, вашу мать, извиняюсь, понимать?

– Вот-вот, – Володя кивнул. – Примерно, то же и я сказал, когда увидел сегодня нашего Борику.

Я внимательно посмотрел на ноги Селиванова. Он тотчас занервничал.

– Чего ты?

– Да вот гляжу-выбираю, какая же нога у тебя сломана – правая или левая.

– Все в порядке, никаких переломов.

– Вот тут ты, Борик, ошибаешься! Есть перелом. Точнее, будет.

– Брэк, парни! – Володя успокаивающе похлопал меня по груди, подтолкнул в комнату. Мы молча сели вокруг круглого столика, уставились друг на дружку.

– Ну? – произнес я.

– Не «ну», а спасибо. Как говорится, награда нашла

героя. – Володя неспешно распахнул сквояжик и выудил на свет божий бронзовый литой кубок. – Президент федерации встречался с нашим директором, просил передать тебе лично.

– Не понял?

– А что тут непонятного? Ты хорошо сыграл свою роль: спарринг-партнера заменил, клуб спас, так что нареканий ни у кого нет. – Тренер сухо пожевал губами. – Мог, правда, и поделиться. Хотя бы со мной. Все-таки не чужой человек.

– Что-то я недопонимаю...

– Брось! Дальше этих стен тайна не уйдет. Да и ребята, когда узнают, что речь шла о судьбе клуба, разумеется, поймут.

Видимо, выражение моего лица по-прежнему не соответствовало торжественности момента, потому что Борик Селиванов робко прикашлянул в свой большой кулак.

– Может, он про спор не знает?

Володя заглянул мне в глаза. Нахмурившись, качнул головой.

– Знает! Иначе не выделялся бы так на ринге.

– Видишь ли, – Борик тоже повернул ко мне свою лобастую голову, сбивчиво заговорил: – На прошлой неделе наш директор с президентом федерации схлестнулись. Встреча у них была под шампанское – вот и схлестнулись. Президент объявил, что собирается забрать здание клуба под казино.

– Как это?

– А так. Ребят разогнать, спортивный инвентарь на свалку

вывезти. Дескать залы просторные, а толку – на грош. Ни одного чемпиона за последние годы. Ну, наш директор и разобиделся. Сказал, что инвентарь не жалко, но парней надо хотя бы во дворец пристроить. Президент брякнул, что ему лежалый товар без надобности, вот и вышел спор. Оговорили условия соревнований, на пари поставили – клуб. То есть, если хоть один из дворцовой команды проиграет, клуб нам оставляют, понимаешь? А обставят вчистую, всех отправляют на улицу. И тренера, и нас.

– А директора?

– Ну, директор – на то и директор, чтобы всюду наплаву оставаться. Какая ему разница – клубом спортивным владеть или казино. По деньгам-то последнее куда лучше.

– Да все он знает! Что ты ему объясняешь! – досадливо сказал Володя. Обиженно шмыгнув, пододвинул кубок ко мне. – В общем бери и владей. Правда, не афишируй без надобности. Копия-то все равно у них на витрине будет стоять.

– Но я же проиграл!

– Потому на витрине – одно, а у тебя – другое. Они сказали, что ты красиво проиграл. Президент потом даже успокаивающие таблетки принимал, так ему понравилось, как ты ваньку валял. – Володя поднялся. – Словом, меня попросили, я передал. Бывайте!

Решительно пройдя в прихожую, он закрыл за собой дверь.

– Обиделся, – пробормотал Борик. И снова потер огром-

ный, поросший жестким волосом кулак.

– Ну? – я требовательно посмотрел на него. – Может, ты мне что-нибудь растолкуешь?

– А что толковать, ты же все слышал. Клуб хотели прибрать, потому и состязание устраивали.

– Из-за спора?

– Точно. Все, конечно, продули, но ты продул красиво. Потому решили передать кубок тебе. – Селиванов сделал попытку встать, но я ухватил его за локоток.

– Постой-ка, друг ситный! А причем тут фокусы с ногой?

– Фокусы – из той же серии. Тезка твой, что с тобой дрался, когда-то в секции со мной занимался. Мы, считай, лет пять по мешкам вместе месили, в паре работали.

– Ну и что? Не хотел со старым корешком встречаться? Меня подставил?

– Да нет, – Селиванов глухо откашлялся. – Он, понимаешь, меня до сих пор боится.

– Чего, чего?

Борик покаянно кивнул.

– Они, когда пари заключили, всю нашу команду скоренько просканировали – кто, мол, чего стоит. Ты как раз где-то шлялся, в списках я официально значился, – вот и выяснилось, что с лучшим тяжеловесом дворца я фехтовал когда-то в юности. А я его, видишь ли, бил. Все шесть лет, пока не разбрелись по разным секциям. Он в кик-боксинг пошел, а я так и остался в клубе.

– Ну?

– Вот тебе и ну! Воды-то утекло – вагон с тележкой. Он до мастера порос, за бугор несколько раз ездил, а страх остался. Знаешь, как собака, которую в детстве кошка драла. Может с теленка вырасти, а от кошек все равно бегать будет. Так и тут. Короче, не знаю, что он там про меня нарасказывал, но ребятки подвалили ко мне на дом и без обиняков предложили по-доброму устраниваться.

– И ты устранился?

– А что мне было делать? Трое лбов, в руках металлические прутья. Предложили напрямую: либо, значит, фиктивный перелом, либо фактический. Вот и выбрал.

– А я?

– Ты для них темная лошадка, да и список послужной не ахти какой. Так что тебя они не боялись. Ну, а то, что в зале ты меня lupишь, как я когда-то твоего тезку, они только потом и узнали.

– Почему же ты меня не предупредил?

– Когда было предупреждать? Они же оперативно сработали. Прямо на месте в гипс упаковали, сразу отвезли в больницу, бумаги оформили. А по телефону попробуй, застань тебя. Ты же на гитаре где-то брэнчал. Но я звонил. Честное слово, звонил! Раз двадцать.

Я огорошенно молчал.

– Такие вот дела. – Борик Селиванов неуверенно поднялся. – Давай без обид, ладно? Ты ведь тоже поддался. Знаешь,

каково это с ними разговаривать.

– Не понял?

– Да ладно тебе! – Борик поморщился. – Ребята рассказывали, как ты его разделал перед тем, как улечься на брезент. И сам потом под удар подставился.

– Я не подставлялся.

Борик Селиванов пожал плечами.

– Да я не осуждаю. Сам, как видишь, сплоховал. Главное, ты клуб отстоял. Годика два-три нас, глядишь, и не тронут.

– А потом?

– Потом президента застрелят, новый придет, опять о казино вспомнят.

– Веселые у тебя шутки!

Хмыкнув, Борик протянул руку, я вяло ответил на рукопожатие.

– Как там ни крути, а тяжелый вес все перетягивает. Они ведь решили, что ты сильнее, а лег, потому что я предупредил.

– Да не ложился я не под кого!

– Чего ты нервничаешь? Я же говорю – не осуждаю. Против трактора с ломом не попрешь. Главное – приз у нас, и клуб не тронут.

Уже в дверях он мне подмигнул.

– Скажи честно, ты ведь отоварил бы его, точно?

Вместо ответа я только вздохнул.

– Точняк, отоварил бы! – Удовлетворенно кивнув, Борик

сбежал вниз по лестнице. Без гипса ему, как видно, и прыгалось, и бегалось. Хорошо, когда не на ринге и не в больнице!

Закрыв дверь, я вернулся к столу, повертел в руках тяжелый кубок. В голове царила полная путаница. Самое смешное, что я точно знал: никого и никакими силами я уже не смогу убедить в том, что проиграл этот бой честно. Кто-то из великих однажды сказал, что история на восемьдесят процентов состоит из мифов и легенд. Именно сегодня и сейчас я окончательно поверил, что так оно и есть. Все суета сует. Мифы, легенды и сказочки для взрослых...

Глава 4 ОБЛОМ

Играл музон. Группа «Сиплые галлюцинации». Пардон, – смысловые. Под таких хорошо хандрить. Валяешься на диване, сосешь себе пивасик и мечтаешь. О мотоцикле, что умел бы летать, о славе первого роккера, о челюсти из титана. А что! Заиметь бы такую – и на ринг! Или по подворотням двинуть. Вот бы меня боялись! Ходил бы и сам подставлял ряшку. Ты чо, в натуре, крутой? Давай, бей, чувачело! Или ссышь?.. Хрясь – и копец костяшкам! А еще разок не хочешь? Опять обмочился?.. Бэмс! – и нет кулака. И наручники можно перекусить, и антенну вражью, если понадобится. Подлетел на моцике, перекусил, смылся. А у ЦРУ облом или кого там – понос и проблемы. Бегут жаловаться своим резидентам-президентам, да только и те ничего не могут поделать. Тут обычных стоматологов не позовешь. Бессильны они перед моей титановой челюстью...

Я сладко потянулся. Эх, грезы-фантики! Может, и хорошо, что Всевышний не помогает им сбыться. Только представьте себе, – семь миллиардов людишек, и семь миллиардов фантазий! Садюги и шизики, нацисты и генералы – и все напропалую мечтают... Нет, братцы! Ну на фиг такие мечты! Или даже куда подале!..

Звонку телефона я почти обрадовался. За трубку ухватился точно за соломинку. Большим пальцем ноги погасил лю-

бителей галлюцинаций. Как опять же говаривал кто-то из великих: не хочешь думать о печальном, спеши переключиться, ищи кнопку. Вот я и нашел.

На этот раз звонил Женька Лысых. В простонародье говоря – Джон.

– Спишь, обормот? – Джон почти рычал. – Что там с твоими состязаниями?

– Порядок, проиграл, как ты того и желал.

– Ну и кюл, коли так! Я же шутил!

– Значит, дошутился.

– А Толян с Гариком?

– Аналогично.

– Ну и ну! Потом расскажешь, ага? У меня, понимаешь, не получилось вырваться.

– Гравицапы не нашлось?

– Вроде того...

– Не получилось, значит, все. Я вам не рассказчик. Короче, какого фига ты меня потревожил?

– Порадовать хотел. Я почему завяз-то вчера?.. С Клозетом пытался договориться. Прикидываешь? Этот гад кислород нам перекрывает! То есть – уже перекрыл!

– Чего-чего?

– Что слышал! Американцы на Луну высадились – вот чего!

– Какие еще американцы?

– Черт их знает. Вроде из столичных вурдалаков. Сразу

две группы. Клозет их выписал телеграммой, а нам по шапке дал. Короче, полный чистотайд! Всем гастролям хана.

– Чего ты гонишь? – я нахмурился. – Давай по чесноку, я на шутки нынче плохо западаю.

– Какие там шутки! Все голимая правда. Сказал, гад такой, что с сегодняшнего дня свободны.

– Что, значит, свободны? У нас же контракт! С печатями, с подписями!

– Вот и я про них заикнулся. Догадываешься, куда он меня послал – с нашими подписями?

– Вот, жлоб! Мы же на две дюжины концертов договаривались! Пай даже поделить успели! Я под это дело у Серегина стольник выклянчил.

– Вот и попроси теперь Клозета вернуть.

– И попрошу, что ты думаешь!

– Брось! Попросил один такой. Видел его гавриков? Они давно уже без дела скучают. Так тряхнут, мало не покажется.

Я глухо выругался:

– Вот, Клозет! Вот, шкура!

– Что ты хочешь? Обычный бизнесмен. Сказать по правде, москвичи-то ему барыша больше принесут.

– Но ведь договорились! Железно!

– Ладно, Бил, не переживай, – Джон заметно сбавил обороты. Это у нас всегда так, я спокоен – он орет, а стоит мне завестись, как тут же успокаивается он.

– Леший говорит, что может, оно и к лучшему. Чего мы

не видели на этих душевных концертах?

– Так-то оно так, а дрожжи? Где я тебе их наблываю? У меня что, лопатник тугой? Мне долги отливать надо!

– Ты не быкуй, не у себя в секции.

– Как не быковать, когда долги! Думаешь, приятно у тетки на шее висеть?

– Не кипятись, есть одна идейка. Леший зовет в Крым. Тоже на гастроли, только свои собственные.

– Как это?

– Очень просто. Берем бас-гитару, соло, одну акустическую, колонку с усилком и отчаливаем. У Лехи дядька на грузовом аэро подрабатывает. Подкинет до Симферополя. А там доберемся до побережья, будем потешать отдыхающих. Как бременские музыканты. Знаешь, сколько у курортников денег!

– Ерунда какая!.. Давай лучше перетрем еще раз с Клозетом. Он же понимать должен! Договор – это ему не туалетная бумажка! Пригрозим судом в конце концов, компенсацию потребуем!

Джон обидно заржал в трубку.

– Чего ты гогочешь?

– Да так... Удивляюсь твоей наивности, сеньор. Ты где живешь? В Сан-Ремо или в Катькином бургe?

– Сам ты сеньор!

– Ладно, Бил. Если что, мы в подвале. Забегай. Там и обсудим наши скорбные делишки.

– Забегу... – я поморщился, представив себе восторженные физиономии приятелей музыкантов, когда они узреют мои распухшие пальчики, мое далеко не благоухающее личико.

– Тогда до встречи!

Я опустил трубку, с нехорошим надрывом обругал администратора нашего районного ДК – того самого Клозета. Соломинкой телефон оказался плевой. На душе стало еще смурнее.

***

С ряхой вроде моей сегодняшней не очень-то погуляешь по улицам. Фурор – да не тот! В киоске купил кубик желе ароматизированного, продавщица отсчитала сдачи раза в три больше. Пришлось оставить ей все. Долги – долгами, но я не скопидом какой. Увы, внешность продолжала действовать, как глаза обаяшки-Горгоны. Прохожие опасливо отшатывались к тротуарным бровкам, и даже в троллейбусе какой-то мужичок-абабок сделал попытку уступить мне место. Только кондукторша не ударилась в панику. Повидавшая на своем веку всякое, она равнодушно сунула мне в руку билет и удалилась. Я оглядел бумажный клочок и машинально сложил цифры. Вернее, попытался сложить. Полушария испытывали еще остаточную вибрацию, потому что девять, шесть и шесть никак почему-то не складывались. В конце

концов я сделал усилие, и, ржаво провернувшись, мозговые шестеренки выдали на внутреннее табло число двадцать один. Очко... Я скривился. Выходит, впереди счастливый день? Занятно! Может, и впрямь сумею договориться с Клозетом? Все-таки я не Джон. И побольше и пострашнее...

Подтверждая версию счастливого дня, в окно троллейбуса прямым над головой мужичка-абабка со звуком пистолетного выстрела ударила каменюга. Мужичок ойкнул, пассажиры испуганно вздрогнули. Но троллейбус – животное крупное, одной каменюгой его остановить трудно. Все шло своим чередом, мы продолжали ехать, люди ошалело моргали, и только широченное стекло стремительно покрывалось трещинами, теряло форму и набухало. Сообразив, что произойдет через секунду, я ухватил мужичка за шиворот, рванул с места. А в следующий момент окно лопнуло в мелкие брызги, со звоном ухнув на пол и сиденье.

– Это мальчишки! Я их видела! Стояла компания возле дороги...

– Совсем распоясалось хулиганье!

Людей словно прорвало. Все спешили высказать свое наблевшее.

– Спасибо, – мужичок наконец-то сообразил, почему его столь бесцеремонно сдернули с места. Оправляя на себе пиджак, он стеснительно мне улыбнулся.

– Не за что, – я поглядел под ноги на бриллиантовое крошево и разглядел «каменюгу». Добротный подшипник четы-

рех или пяти сантиметров в диаметре. Я повыше мужичка, так что в голову могло угодить запросто. То-то он мне место норовил уступить!.. Хотя это ладно, другое непонятно, отчего стекло такое хрупкое? Одна маленькая дырочка вызвала обвал всей плиты. Форменная ерундистика! Или так замышлялось изначально? Ведь не дураки же сидят в наших автокабэ? В самом деле! Стекло с дырками – вещь неэстетичная. Может, так и надо, чтобы оно разваливалось после первой же прорехи? Так сказать – самостийно, без дополнительных усилий.

Запоздало реагируя на происшедшее, троллейбус наконец-то притормозил. Кондукторша с водителем, а также со всем салоном принялись бурно обсуждать невеселое событие. Сообразив, что обсуждение может вылиться в нешуточный митинг, я тихонечко выскользнул наружу. До ДК оставалось всего-то два-три квартала, можно было чуток прогуляться.

Когда мне грозят неприятностями, я предпочитаю оставаться скептиком, когда же сулят счастливые перемены, я наивно верю. Вот и сейчас я продолжал перебирать в памяти многообещающую комбинацию цифр на билете. Мужичок пытался уступить место, а я не сел. Судьба. Подшипник просвистел мимо, вражья рука понадеялась на авось. Что ж... Следовало пользоваться добрым расположением Фортуны, и, не теряя времени, я направился напрямиком к Клозету. ДК пустовал. Лишь где-то заученно и скучно тренькало старень-

кое фортепиано. Гаврики, которыми страшал меня Джон, на этот раз где-то, видимо, отдыхали, и в кабинет я зашел беспрепятственно.

– Кто вы? Это чего!?! – Клозет, перебирающий папки на полках, испуганно от меня попятился.

– Санта-Клаус с подарками! – пробурчал я. – Не узнали?

– Тьфу-ты, черт! Кирилл, что ли? Ну и ряха у тебя!

– Ряха, как ряха, – я по мере сил старался говорить вежливо. А вот у Клозета, стоило ему меня узнать, голосок немедленно сменился на покровительственный.

– Ну? Чего тебе? Я Евгению, кажется, все объяснил.

– Ему да, а мне нет, – я без спросу уселся в кресло.

– Изволь, – Клозет продолжил возню со своими папками. – Приехали из столицы ребята – и ребята не вам чета. Сольные программы, готовые спецэффекты, аппаратура. Так что будет сбор и соответствующая раскрутка. В связи с вышеизложенным ваши номера вычеркиваются. Вот, собственно, и вся суть.

– Может, как-нибудь все разместимся? В тесноте, как говорится, да не в обиде. Соорудим сборник. Альбом нашей «Гекубы» и этих самых приезжих. А что? Мы все-таки не чужие. Они завтра уедут, а мы останемся.

– Уедут, – губы Клозета презрительно искривились. – Все, Кирюша, течет и видоизменяется. Хочешь зарабатывать, гляди и мотай на ус. В столицах перспективные группы все на учете. Каждая имеет своего хозяина, свою фи-

нансовую базу. А ваша «Гекуба» как была беспризорной, так и остается до сих пор. С нами, то бишь, с периферией, сейчас всюю устанавливают контакты. Горлодериков – их и в Москве как грязи, а вот площадок путных мало, смекаешь? Так что одни уедут, другие нарисуются. Дикими концертами, дорогуша, мир перестает жить.

– Так уж и перестает?

– Именно! Вы у нас кто? Распустехи! Сегодня в ударе, а завтра похмеляетесь или сочиняете чего-нибудь. Скажи честно, можно на вас твердо – раз или два в сезон рассчитывать?.. Вот! Сам же знаешь, что нет.

– Зато мы своё поем. Не чужое.

– Своё... Много вы своего насочиняли?

– Я же говорю: на сольник наберется.

– Так вам сольник кто-нибудь и даст записать! Вы, дорогие мои, – переростки! Еще немного – и бородками станете трясти со сцены. А сейчас все на молодежь ставят, на юных да смазливых.

– Сказали бы лучше, на сопляков борзых!

– Сопляки не сопляки, а кассу на них делают хорошую. Можно самый чешуевый рэп гнать, но если рожи девочкам понравятся, будут и диски раскупать, и на концерты ломиться. Кстати, битлы ваши любимые тоже сопляками начинали.

– У них нашего дурдома не было. В армию не дергали, за безработицу не сажали.

– Сейчас тоже не сажают.

– Так нам-то уже за двадцать!

– Вот и я говорю, Кирюша, кончилась ваша юность. Пионерки на вас бросаться не будут, других найдут. Так что молчите и не рыпайтесь.

– А контракт?

– Какой контракт? – он поднял голову. – У меня нет никакого контракта.

– Мы же подписывали! Между «Гекубой» и вашим, значит, солярием...

– Ах, это у вас контракт! Ну так, я ведь уже объяснил. Жизнь течет-меняется. Пока... – это «пока» Клозет выделил особенно ехидным голосом, – так вот *пока* вы мне не нужны. Все ясно?

Я ошарашенно молчал.

– Короче, понадобится, позову. А сейчас гуляй и не мешай мне работать.

– Так... А жить нам на что?

– Хотите денег, в ресторанах играйте, на свадьбах с юбилеями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.